

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
 Глава I. Прошлое имеет значение	
1. Роль прошлого в конструировании политического настоящего	11
2. Факторы использования прошлого в конструировании настоящего	12
3. Роль ностальгии и травмирующих событий при апелляции к прошлому в условиях «коннективного поворота»	16
4. Методологические основания исследования нарративов о советском прошлом, межпартийной дискуссии и образа советского прошлого в сознании граждан	20
 Глава II. Идеократический метанарратив в СССР и его влияние на постсоветскую макрополитическую идентичность	
1. Становление советского метанарратива	26
2. Русское vs советское	29
3. Эрозия и распад советского идеократического метанарратива	41

Глава III. Дискурс и легитимность: советское прошлое в риторике властных акторов

1. Три дискурсивных макростратегии властных акторов	50
2. Образ советского прошлого: дискурсивное «вытеснение» «советской идеологии»	65
3. Советское прошлое: от «идеологии» к «идентичности»	70
4. Советское наследие в контексте политики российской идентичности	75

Глава IV. Советское прошлое в риторике парламентских политических партий

1. Советское прошлое в текстах партийных лидеров и функционеров «Единой России»	83
2. Отсылки к советскому прошлому в риторике КПРФ	92
3. Советское прошлое в текстах «Справедливой России»	98
4. Советское прошлое в риторике ЛДПР	104

Глава V. Советское прошлое в межпартийной дискуссии

1. Вопросы советского прошлого в межпартийной дискуссии: повестка, участники, факторы размежевания	114
2. Тематика советского прошлого в избирательных кампаниях постсоветской России	124
3. Дискуссия об особой позиции ЛДПР	158

Глава VI. Тема советского прошлого в социальных сетях и сознании рядовых россиян

1. Советское прошлое и мемори-активизм в России	162
2. Советское прошлое в социальных сетях	179
3. Представления о советском прошлом у рядовых граждан России	196

Заключение	214
-------------------------	-----

Список литературы	220
--------------------------------	-----

ПРЕДИСЛОВИЕ

Отношение к историческому опыту и его использование являются важной составляющей современной политики. Отсылки к этому опыту присутствуют в различных проектах формирования национальной идентичности, конструирования и консолидации нации и ее границ. Как отмечает Р. Брубейкер, нацию можно рассматривать как «точку зрения на мир» [Brubaker, 2004, p. 81]. Соответственно, соотношение возникающих и конкурирующих нарративов, официальная политика памяти, в которой образ прошлого занимает важное место, во многом определяют нынешние и будущие контуры национальной идентичности и наций в целом.

В связи с этим особый интерес представляют государства, которые появились на карте мира в результате распада СССР. Несмотря на то что новые независимые государства в значительной степени отличаются друг от друга, их объединяют нерешенность задач формирования политической нации, опыт существования в составе больших политий и ностальгия по советским временам у значительной части населения. Так, например, опрос «Левада-центра» в марте 2016 г. (опрошено 1600 человек в 48 регионах) свидетельствовал о том, что 56% респондентов сожалеют о распаде СССР, 68% хотели бы восстановления СССР¹.

Образы СССР, советского прошлого, связанных с ним дат и лидеров активно используются в публичной риторике представителей органов государственной власти, политических партий России и лидеров общественного мнения. Некоторые из них (например, КПРФ и «Коммунисты России») пытаются сыграть на ностальгических настроениях части населения страны; другие,

¹ Распад СССР // Левада-центр. – 2016. – 19 апреля. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2016/04/19/raspad-sssr/> (дата обращения: 30.01.2024). АНО «Левада-центр» признана в России иностранным агентом.

напротив, акцентируют отрицательные стороны данных образов или осторожно касаются этой темы, но в любом случае вынуждены так или иначе определять свою позицию. Транслируемый политическими акторами образ СССР меняется с течением времени, одни аспекты в нем акцентируются, другие замалчиваются.

Возрастающая роль позитивных отсылок к советскому прошлому, используемых властвующими элитами в качестве инструмента легитимации режима и конструирования национальной идентичности, – одна из главных тенденций в развитии официального российского политического дискурса 2000–2010-х годов. Часть исследователей, в особенности зарубежных, видят в этой тенденции признаки ресоветизации и даже ресталинизации нарративов исторической памяти и национальной идентичности во властном дискурсе [напр.: Kharaeva, 2016; Kuzio, 2018]. По этой линии во многом проходит содержательный водораздел между символической политикой ельцинского и путинского периодов [Малинова, 2016а, с. 148]. Первое знаковое решение, ознаменовавшее поворот в этом направлении, было принято уже в 2000 г., когда из гимна СССР была позаимствована мелодия нового государственного гимна России. Через пять лет, в 2005 г., президент в ежегодном Послании к Федеральному собранию назвал крушение Советского Союза «крупнейшей геополитической катастрофой века»¹.

Еще более важным идеологическим элементом властного дискурса ностальгия по советскому стала в период третьего президентского срока В.В. Путина, когда, столкнувшись с прокатившимися зимой 2011–2012 гг. массовыми акциями протеста, Кремль сделал ставку на мобилизацию своих консервативных сторонников [Chaisty, Whitefield, 2016, p. 161]. Двумя годами позже, в 2014 г., фокальной точкой апологетики советского прошлого стала «крымская речь» В.В. Путина, в которой он, обосновывая пересмотр постсоветских границ России и Украины, сослался на «вопиющую историческую несправедливость» событий 1991 г.² Наконец, жестом официального закрепления исторической преемственности между нынешней Россией и Советским Союзом стала принятая в 2020 г. конституционная поправка, декларирующая, что «Россий-

¹ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. – 2005. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931> (дата обращения: 18.05.2020).

² Обращение Президента Российской Федерации. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 18.05.2020).

ская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории»¹.

В научной литературе роль советского компонента в официальном политическом дискурсе современной России вызывает значительный интерес исследователей. Сегодня об этих работах можно говорить как о достаточно активно развивающемся направлении исследований постсоветской политики. В теоретико-методологическом плане оно в основном ориентируется на концепты «политика памяти» и «историческая политика» (реже – «символическая политика»), которые широко применяются в исследованиях взаимосвязи исторического прошлого и политики в посткоммунистических странах Восточной Европы [Budryte, 2022; Dujisin, 2021; Fiedler, Rawski, Świrek, Traunspurger, 2023; Researching Memory, 2022; Heinrich, 2002; Gill, 2011; Gill, 2013; Twenty years, 2014; Kuzio, 2018; Kohlstruck, 1996; Smith, 2002; Хальбвакс, 2007; Миллер, 2012b; Миллер, 2016; Малинова, 2016b; Траба, 2012; Ачкасов, 2013; Пушкарева, 2015; Дахин, 2012]. Наиболее активно в этом русле изучалась политика памяти российской власти в отношении праздников и памятных дат [Ефремова, 2012; Ефремова, 2014; Ефремова, 2016; Ефремова, 2023; Малинова, 2017a; Малинова, 2017b; Малинова, 2018a; Малинова, Карпова, 2023; Горин, 2015; Революция-100, 2017; Данилова, 2023], в особенности праздников Дня Победы и Дня Октябрьской революции, а также некоторых исторических фигур (прежде всего Сталина и Ленина [Колоницкий, Мацкевич, 2022; Menkouski, Dubinka-Hushcha, 2021; Sherlock, 2016; Ekaterina Makhotina, 2018; и др.]). Политика российской власти в отношении советского наследия также анализировалась в контексте изучения образовательной и воспитательной политики в постсоветский период. В частности, много публикаций было связано с дискуссиями вокруг школьных учебников истории, образовательных стандартов по истории и программ патриотического воспитания, в которых заметное место заняла проблема отношения к советскому периоду истории [Зубкова, 2019; Иванова, 2020; Суслов, Шуйская, 2021] и др. В ряде публикаций политическое отношение к советскому наследию и образу СССР рассматривалось в связи с исследованием политической рекламы и избирательных кампаний [Евгеньева, 2015; Тимшина, 2021; Визуализация выбора, 2016]. Есть работы, посвященные исследованию обращений главы государства [Малинова, 2011; Малинова, 2014b; и др.] и

¹ Полный текст поправок к Конституции: что меняется? – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48045/> (дата обращения: 19.05.2020).

общей характеристике официальной политической риторики [Курилла, 2022; Hill, Gaddy, 2012; Kuzio, 2018; Khapaeva, 2016; Малинова, 2013; Ефремова, 2016] и др.

В научной литературе представлены отдельные попытки комплексного анализа использования советского прошлого в российской политике. В частности, совсем недавно вышла в свет коллективная монография «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретации, акторы, коммеморативные практики» под ред. О.Ф. Русаковой [Официальный дискурс, 2022]. Авторы работы ставили перед собой задачу провести комплексное исследование дискурса политики памяти относительно советского прошлого. В книге содержится немало интересной информации, приведено множество примеров обращения к советскому прошлому в официальной политической риторике и общественно-политическом дискурсе в целом. Вместе с тем недостаточно проясненными остаются методологические основания исследования, как и конкретные методы. Вероятно, с этим связано наличие в работе достаточно спорных исходных посылок и выводов. Например, характеризуя политику памяти на постсоциалистическом пространстве, авторы пишут, что под ней они подразумевают «систему отношений по поводу государственной власти, преследующей своей целью утвердить господство национальной (по форме) компрадорской (по объективному положению) олигархической буржуазии, выросшей из обуржуазившейся бывшей социалистической крупной бюрократии и чиновничества путем конструирования новой исторической политики. Именно отсюда берут начало антикоммунизм и ненависть к идеалам солидарности трудящихся, крайний антисоветизм, готовый опуститься до объявления всего советского периода истории СССР сплошным преступлением» [Официальный дискурс, 2022, с. 43].

При всем интересе исследователей к месту советского прошлого в политическом дискурсе современной России и наличии попыток провести комплексное исследование по оценке наследия СССР в риторике и практике акторов текущей российской политики следует признать наличие серьезных методологических и содержательных лакун в изучении этого сюжета. Несмотря на усилия по разработке теоретико-методологических оснований изучения политики памяти в странах постсоветского пространства [Миллер, Ефременко, 2018], в политической науке все еще недостаточно раскрыт вопрос о влиянии роли и функций политических авторов в политической системе на формирование и использование ими со-

ветского наследия в политическом дискурсе. Крайне мало работ, посвященных роли российских политических партий в формировании образа советского прошлого, который является важной частью их идеологии. Тем более нет исследований, посвященных месту и роли советского прошлого в межпартийной дискуссии; между тем это совершенно особая сфера бытования образа прошлого, сопровождающаяся столкновением разных точек зрения и дискурсов. Относительно новым сюжетом для политической науки является и обращение к советскому прошлому российских мемори-активистов и сетевых сообществ.

В данной книге представлены результаты коллективного исследования, которые позволяют отчасти восполнить этот пробел. В отдельных главах монографии реконструируются дискурсивные стратегии, характерные не только для правящей элиты, но и для оппозиции.

В научной литературе показано, что образы прошлого в коллективной памяти разных стран весьма эклектичны и могут использоваться для решения своих задач различными политическими силами. Специфика этих образов, их появление в политической риторике отдельных политических сил зависят от статуса и функций самих политических акторов, конъюнктурных обстоятельств и запросов.

Представленные в монографии результаты исследования показывают, как трансформация политического режима, роли и функций политических акторов, а также изменения конъюнктуры повлияли на образы советского прошлого в риторике и практике различных акторов. Отличие нашего проекта от других исследований заключалось в том, что политические элиты рассматриваются не как монолит, транслирующий единый национальный дискурс, а как совокупность разных центров силы и влияния, чьи риторические практики, не противореча, как правило, доминирующему дискурсу, тем не менее обладают известной долей самостоятельности. Мы исходили из того, что своеобразие риторики политических акторов зависит от ряда факторов – функции акторов в политической системе, ситуации использования отсылок к прошлому и т.д. Эти нарративы в той или иной степени влияют на государственную политику нациестроительства и осмысления советского прошлого.

В первой главе представлена концептуальная и методологическая основа исследования. Значительное внимание уделяется роли прошлого в конструировании политического настоящего посредством его использования в политическом дискурсе, в частности

при формировании новой идентичности. Обосновываются также использованные в работе методологические подходы, описываются значимые характеристики контекста.

Вторая глава посвящена формированию идеократического метанарратива, господствовавшего в СССР. Проанализированы этапы его эволюции, выделены основные черты, повлиявшие на последующее развитие его символической составляющей.

Третья глава посвящена анализу использования тематики и образов советского прошлого в дискурсе властных акторов РФ. Показана эволюция места и характера нарративных сюжетов, связанных с Советским Союзом, в выступлениях и деятельности первых лиц государства и других представителей власти; продемонстрирована роль отсылок к советскому прошлому в формировании и функционировании политического режима страны.

В четвертой главе представлены результаты исследования политической риторики парламентских политических партий. Показывается зависимость сюжетов, связанных с советским прошлым, от роли той или иной партии в политической системе и истории ее возникновения. Выявляются основные дискурсивные стратегии и цели упоминания советского прошлого (саморепрезентация и репрезентация значимых других).

В пятой главе анализируется влияние тематики советского прошлого на избирательные кампании и межпартийное соревнование в целом. Показана связь этой тематики с основными социально-политическими размежеваниями, структурирующими партийный спектр. Выявлена динамика значимости тематики советского прошлого на думских выборах в 1993–2021 гг.

Шестая глава посвящена анализу мемори-активизма и деятельности онлайн-групп в социальных сетях, а также присутствию воспоминаний о советском прошлом в сознании рядовых граждан. Показывается, как интернет-пользователи коллективно создают и осмысливают ностальгические и травматичные воспоминания. Демонстрируются также противоречивость представлений россиян о советском наследии и их зависимость от возрастных и социальных характеристик.

Монография не претендует на всеохватный анализ использования образа советского прошлого в современной российской политике. Тем не менее мы надеемся, что ее материалы не только восполнят имеющиеся пробелы в исследовании данной темы, но и будут способствовать дальнейшей научной дискуссии.

Глава I.

ПРОШЛОЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ

1. Роль прошлого в конструировании политического настоящего

Со времен прочитанной Сорбонне лекции Э. Ренана (1882) утвердилось понимание того, что коллективная память о прошлом является одним из важнейших условий формирования и сохранения устойчивости нации. Яркая метафора Ренана о существовании нации как о «повседневном плебисците» указывает на процессуальность, то есть на то, что обращение к прошлому, его осмысление и переосмысление являются важной предпосылкой достижения такого уровня национальной солидарности, который обеспечивает как актуальное согласие жить вместе, так и готовность идти на жертвы ради общего будущего: «Разделять в прошлом общую славу и общие сожаления, осуществлять в будущем ту же программу, вместе страдать, наслаждаться, надеяться, – вот что лучше общих таможен и границ, соответствующих стратегическим соображениям; вот что мы осознаем, несмотря на различия расы и языка» [Renan, 1991, p. 112].

Поскольку нации – это «воображаемые сообщества» памяти и забывания [Billig, 1995], это не то, что мы «имеем» или чем «владеем», а то, что мы «создаем» [Andrews, 2003] на основе «больших исторических нарративов» национальных групп и политических сил, а также «маленьких нарративов» индивидов. Следовательно, национальная память и национальные нарративы – площадки для соревнования, где встречаются «официальная культура» и «народная культура» [Bodnar, 1992]. Поэтому повестку дня и в целом специфику дискуссий формируют не только политические

силы, находящиеся у власти или представленные в парламенте, но и другие акторы, получившие в литературе название «мнемонические акторы», то есть те, которые «заинтересованы в особом понимании прошлого» [Twenty years, 2014, p. 4]. Используемая мнемоническими акторами риторика существенно влияет на процесс «повседневного плебисцита».

Политические акторы, используя сюжеты, связанные с прошлым, в своей политической риторике, стремятся достичь целей, связанных с борьбой за власть. Преследуя эти цели, акторы часто используют так называемые «стратегические нарративы», которые представляют собой «рамки, позволяющие людям связывать, казалось бы, несвязанные явления вокруг некоторой причинной трансформации» [Miskimmon, O'Loughlin, Roselle, 2013, p. 5]. Эффективное создание и использование нарратива предполагают способность авторов соединить все его элементы (действующие лица, события, сюжет, время, обстановка и пространство) в сюжетную линию, претендующую на выявление причинно-следственных механизмов. Отсылки к прошлому и его отдельным аспектам оказываются очень удобным инструментом создания таких нарративов. Эти отсылки служат для создания в нарративе разнообразных причинно-следственных связей. Например, М.В. Гаврилова подчеркивает роль образа прошлого в партийных программах при характеристике актуального положения в стране [Гаврилова, 2011]. Этот образ служит составной частью механизма легитимации идейно-политических позиций политических сил, в том числе посредством проектирования будущего через интерпретацию прошлого и переписывания прошлого с позиции настоящего¹.

2. Факторы использования прошлого в конструировании настоящего

Специфика использования прошлого в политической риторике зависит от ряда обстоятельств. Среди основных можно выделить особенности институционального и идеологического наследия, характер политического режима и организации власти, роль и функции политических акторов при данном политическом режиме. Остановимся подробнее на первых двух, ибо они имеют универ-

¹ О темпоральности в символической политике см.: [Малинова, 2014d, с. 12–13].

сальное значение для понимания риторики и действий всех политических акторов в определенной политической системе.

Что касается роли институционального и идеологического наследия, то значительную роль играют наличие или отсутствие проблем формирования государства и нации и степень их консолидации. Эти особенности во многом определяют как специфику риторики политических сил (например, повестку дня), так и частично результат их усилий по формированию национальной идентичности. Важность этого аспекта особенно заметна в странах, получивших независимость после распада больших государственных образований, обладавших имперскими чертами. Например, в государствах, возникших при распаде СССР.

Несмотря на попытки построить современное государство и гражданскую нацию, Советский Союз обладал чертами имперской организации власти (см., напр.: [Lieven 1995, Мелешкина, 2012; и др.]). После распада СССР задачи по формированию современных государства и нации, преодоления имперского институционального наследия встали и перед Россией, и перед другими новыми независимыми республиками. Как свидетельствует мировая практика, от официальной политики по формированию государства, риторики оппонентов и расклада политических сил во многом зависит успех при решении важных задач национально-государственного строительства, а именно консолидации центра государства, границ различного рода (политических, экономических, культурных и проч.), формирования универсальных институтов, обеспечивающих основные функции государства и взаимодействие между государством и гражданами. В Российской Федерации, как и в других возникших после распада СССР государствах, успешность решения этих задач связана с преодолением имперского прошлого, характеризующегося открытостью границ, ограниченностью или отсутствием универсальных институтов управления, правил и практик, влиянием клиентелистских связей.

В новых независимых государствах, входивших ранее в состав СССР, обстоятельства, связанные с дезинтеграцией Советского Союза, нерешенность вопросов формирования гражданской нации и государства актуализировали противоречия между трактовками национальной общности, основанными на гражданских или государственных и иных, в том числе этнических, критериях; или, как определяет Р. Брубейкер, между «государственно-фреймированными» и «контргосударственными» трактовками. Первый вариант членства и идентичности базируется на принадлежности к определенному

государству с его территорией и институтами, второй – на альтернативных основаниях. В связи с этим возникает второй важный вопрос – о том, какие особенности «государственно-фреймированных» и «контргосударственных» трактовок нации присутствуют в образе СССР, транслируемом различными политическими акторами России. Ответ на этот вопрос выводит нас на более широкую проблему условий и перспектив воспроизводства и (или) преодоления советского символического и институционального наследия, формирования государства и нации в современной российской политике и политической жизни других постсоветских государств.

Другой фактор использования прошлого для конструирования настоящего – характер политического режима и политическое соревнование.

Развивая ренановскую метафору «повседневного плебисцита», логично прийти к выводу о том, что ведущиеся в публичном пространстве дебаты об историческом прошлом не всегда служат механизмом солидаризации, а, напротив, могут приводить и к дивергенции. Отличающиеся достаточной широтой, интенсивностью и продолжительностью публичные дискуссии способствуют формированию фреймов для интерпретации политических проблем и таким образом влияют на политические процессы и их динамику [Art, 2005]. Обеспечивая селекцию политически пригодного прошлого, публичные дискуссии с активным участием представителей политических элит способствуют поддержанию устойчивости ядра исторической мифологии того или иного сообщества. Прошедшие такой квазиестественный отбор исторические нарративы сами могут выступать фактором стрессоустойчивости сообщества, причем стрессоустойчивостью в данном случае является не просто способность адекватно реагировать на внутренние или внешние вызовы, но и способность мобилизовать внутренние ресурсы сообщества, не задействованные в рутинных обстоятельствах.

Однако такая модель публичных дебатов и соревнования дискурсов характерна лишь для конкурентных политических режимов. Альтернативная модель – ее можно назвать иерархической – состоит в утверждении нарратива при помощи инструментария, основную роль в котором играют методы политико-идеологического и государственного принуждения. Предельными случаями реализации этой модели выступают метанарративы идеократических режимов. Согласно Г. Гиллу, исследовавшему советский метанарратив, речь идет о совокупности «дискурсов, в упрощен-

ной форме представляющих идеологию» [Gill, 2011, p. 3]. Подобные метанарративы отличаются высокой степенью идеологической индоктринации; ограничением вплоть до полного подавления / жесткого регулирования властью дискуссий об историческом прошлом и развитии нации (наций); акцентированием (в частности, в СССР и социалистической Югославии) наднационального характера государственности и подчиненной роли факторов этничности в отношении декларируемых политическим режимом задач государственного строительства.

По сути, метанарративы идеократических режимов – не просто редуцированные идеологемы, но целый механизм их трансляции в повседневную реальность и репрезентации имеющих конституирующее значение для режима норм и ценностей при помощи определенного набора символических средств (язык, визуализация, физическое окружение, ритуалы). Метанарратив в известном смысле облегчает приспособление индивида к таким признакам идеократии, как неопределенность фактов и ловушка порочного круга, «по которому движутся все объяснения» [Геллнер, 2004, с. 161]. Одновременно идеократический метанарратив выступает средством экспликации континуума «прошлое – будущее», тем самым вбирая в себя исторические нарративы и лежащие в их основе смыслопорождающие мифы.

Предпосылкой формирования такого рода метанарративов является функционирование политических систем, ориентированных на достижение высокой степени политико-идеологического контроля над общественным мнением либо на его подмену директивными идеологическими установками. В рамках этой модели социальная коммуникация и общественные дебаты не могут в полном объеме выполнять функцию развития национального самосознания и формирования новых фреймов для интерпретации политических проблем. Формируемый и насаждаемый сверху метанарратив заполняет вакуум, возникающий при ограничении общественных дебатов. Но обратной стороной этого процесса становится пагубность для целостности и устойчивости метанарратива даже относительно свободной и продолжительной публичной дискуссии – в случае, если режим в силу тех или иных обстоятельств решает ее допустить. Иными словами, в условиях даже частичной либерализации метанарратив оказывается очень уязвим, и эта уязвимость не ограничивается идеологической сферой, распространяясь на всю политическую систему.

В идеократических метанарративах тем или иным образом комбинируются элементы, относящиеся и к идеологии, и к культурной традиции (иногда практически заново сконструированной в политических целях), и к ценностным предпочтениям. Разрушение метанарратива означает невозможность сохранения его целостности, отмирание многих составляющих, но – во многих случаях – выживание других компонентов, которые могут сохранять свое значение для тех или иных типов идентичности и, постепенно трансформируясь, передаваться от поколения к поколению. Эти компоненты могут использоваться (и используются) в политических целях. На постсоветском пространстве такие практики получили широкое распространение в России (особенно с начала 2000-х годов), Донецкой и Луганской народных республиках (до их вступления в состав РФ в сентябре 2022 г.), Белоруссии и Приднестровье, где использование компонентов советского метанарратива принимает иногда весьма причудливые формы [Voronovici, 2019].

3. Роль ностальгии и травмирующих событий при апелляции к прошлому в условиях «коннективного поворота»

Во многом такое использование элементов идеократического метанарратива базируется на широко изучаемом в последнее время феномене ностальгии, которая используется мнемоническими акторами для создания образов прошлого¹.

В качестве одной из важных характеристик ностальгии исследователи выделяют ее селективность, предполагающую об-

¹ Это и исследования общего характера, осмысливающие и раскрывающие феномен ностальгии, и работы, посвященные ностальгии по коммунистическому прошлому, его проявлениям и представителям [Bartmanski, 2011; Boyer, 2006; Dremel, Zekić, 2019; Matejova, 2018; Klumbytė, 2008; Nikolayenko, 2008; Rekšć, 2015; Sierp, 2009; Velikonja, 2009; White, 2010; Мелешкина, 2018; и др.]. Несмотря на то что эти работы в целом отличают фрагментарность, отсутствие обобщающих сравнительных исследований, а многим из них свойственно слабое различение политического и неполитического уровней проявлений ностальгии, они представляют большой интерес для анализа соответствующих феноменов в российской политике. Помимо описания конкретных проявлений ностальгии, в этих работах представлены различные попытки ее концептуализации, включающие характеристику ностальгических образов прошлого, а также механизмов их использования в политической риторике и практике.

ращение лишь к отдельным положительным фрагментам действительности. С помощью объединения их в одну картинку создается «позитивная, прекрасная история о прошлом (“память минус боль”), которого никогда в таком виде не существовало» [Velikonja, 2009, p. 161]. Иными словами, основными чертами ностальгического дискурса являются комплиментарность и эпизодичность создаваемого образа прошлого [Velikonja, 2008, p. 28]. Такие особенности ностальгического образа прошлого вполне объяснимы тем, что контуры коллективной памяти определяются прагматической рефлексией «лидеров памяти» или мнемонических акторов, которые используют созданные на основе фрагментарного восприятия действительности образы для завоевания общественной поддержки. Отдельные фрагменты (социальная защищенность, стабильность, успехи в культуре и спорте и т.д.) извлекаются из контекста и соединяются между собой в позитивный образ без учета этого контекста. Прагматическими соображениями и отсутствием отсылок к контексту объясняются и другие особенности ностальгии – вневременность и экстерриториальность [Velikonja, 2008, p. 28]. Поскольку ностальгические образы формируют конкретные «мнемонические акторы», действующие в конкретных условиях, в том числе в условиях конфликта интересов, ностальгия по прошлому отличается также многозначностью и наличием конфликтных нарративов [Velikonja, 2008, p. 28]. Похожим способом характеризуются и антиностальгические образы.

Ностальгические воспоминания о прошлом далеко не всегда свидетельствуют о желании это прошлое вернуть. В то же время их носители с помощью ностальгических образов могут стремиться наполнить современный мир позитивными элементами прошлого [Todorova, 2009]. Подобные запросы особенно актуализируются под влиянием быстрых изменений в период социально-политических трансформаций. Причем они свойственны людям разных поколений, в том числе молодежи, не имеющей личного опыта жизни в определенном периоде прошлого.

Помимо ностальгических воспоминаний использованию прошлого в качестве инструмента конструирования настоящего способствуют воспоминания о травмирующих событиях прошлого. В последние десятилетия, по замечанию А. Пинчевского, дискуссии о памяти идут в основном в двух направлениях: с одной стороны, возрастает интерес к опосредованной памяти, то есть «различным формам, с помощью которых память формируется и распространяется посредством медиатехнологий»; с другой –

существует неугасающий интерес к травматической памяти [Pinchevski, 2011, p. 253]. Понятие травмы остается востребованным и в социальных исследованиях.

Социологический взгляд на травму, в отличие от психологического, демонстрирует, что события, какими бы драматичными и ужасными они ни были, сами по себе не травмируют. Статус травмирующих они приобретают после того, как общество или его отдельные группы припишут им соответствующие смыслы [Александр, 2012]. Существуют даже специальные мнемонические акторы, гражданская активность которых направлена на формирование нового нарратива памяти и уникального репертуара коммеморативных практик вокруг травмы [Gutman, 2017]. Речь идет о мемори-активизме, который в российском контексте является негосударственным актором, создающим и транслирующим альтернативный дискурс о «трудном» советском прошлом, в первую очередь о периоде репрессий. Порой мемори-активисты создают нарративы о травмирующих событиях прошлого, противоречащие официальной трактовке, что в некоторых политических условиях не только формирует основы для конкуренции на символическом поле, но и влечет за собой применение насильственных мер в отношении организаций мемори-активизма в целях контроля и ограничения этой конкуренции

Таким образом, травма конструируется, она не статична и сопровождается противоборством социальных групп и продвигаемых ими смыслов. Конечно же, в качестве инструмента в этом противоборстве широко используются медиатехнологии¹, которые не только позволяют создавать и хранить индивидуальные «опосредованные» («медиализованные») воспоминания² в письмах, дневниках, фотографиях, видеозаписях, но благодаря всеохватной цифровизации и широкому доступу к Сети выводят их на публич-

¹ В широком понимании медиа – это любые технические посредники процесса коммуникации, а также создаваемая ими среда. Сегодня процессы коммуникации осуществляются преимущественно через цифровые медиа, однако из поля зрения нельзя исключать и «традиционных» посредников (например, газеты, письма, книги, ежедневники) – и как самостоятельные носители памяти, и как то, что может быть оцифровано.

² Нидерландский исследователь Ван Дейк определяет «опосредованные воспоминания» как «деятельность и объекты, которые мы производим и присваиваем с помощью медиатехнологий для создания и воссоздания ощущения прошлого, настоящего и будущего нас самих по отношению к другим» [Van, 2007, p. 21].

ный уровень, где индивидуальное встречается, взаимодействует и конфликтует с коллективным [Van, 2007, p. 1].

Изучение влияния этого процесса на трансформацию памяти и появление новых способов ее описания обозначено в исследованиях как «коннективный поворот» (connective turn) [Hoskins, 2011a; Hoskins, 2011b], под которым понимается «резкий рост количества, повсеместное распространение и моментальность цифровых медиа, коммуникационных сетей и архивов» [Hoskins, 2018]. Этот поворот, отмечает Э. Хоскинс, приводит к онтологическому сдвигу в понимании того, что такое память и как она действует. Он перестраивает память, освобождая ее от традиционных границ – архивов, организаций, институтов, привязанных к определенному пространству. Он открывает новые способы работы с прошлым, «одновременно лишает свободы и освобождает активное человеческое запоминание и забывание» [Hoskins, 2018].

При этом медиа и память нельзя отделить друг от друга: медиа «усиливают, искажают, расширяют, подменяют память» и «изначально формируют наши личные воспоминания, оправдывая термин “опосредование”» [Van, 2007, p. 16].

Кроме того, медиа – это не просто технически опосредованные режимы хранения или архивирования воспоминаний. Они являются «живым» форматом функционирования и «отражают суггестивный характер переживания событий прошлого» [Зубанова, 2020].

Сближение памяти, медиа и коллективной травмы в общих исследовательских рамках открывает доступ к объемному полю феноменов и процессов и заставляет по-новому взглянуть на традиционные способы изучения восприятия прошлого. В контексте стремительного развития медиатехнологий понятие ностальгии также получает новые исследовательские описания [Niemeyer, Keightley, 2020; Kalinina, 2017; Kalinina, Menke, 2016; Lizardi, 2015]. Ностальгия активно распространяется и перевоплощается через медиа, выполняя при этом свои устоявшиеся функции, пытаясь «превратить историческое время в мифологическое пространство» [Бойм, 2013].

Таким образом, площадки, где встречаются индивидуальные и коллективные памяти о прошлом, где конструируются и распространяются образы прошлого, становятся более сложными и разнообразными. Их особенности влияют на процесс и эффекты использования прошлого для конструирования национальной идентичности.

4. Методологические основания исследования нарративов о советском прошлом, межпартийной дискуссии и образа советского прошлого в сознании граждан

Особенностью данного исследования является то, что в нем предпринята попытка рассмотреть феномен функционирования нарративов советского прошлого в текущей политике в самых разных аспектах и с самых разных сторон.

В частности, речь идет об охвате трех основных уровней (пластов) существования памяти о советском прошлом и ее использования: 1) в политической риторике на официальном и публичном уровне; 2) в межпартийной дискуссии, ведущейся во многом спонтанно, импровизационно и полемически заостренно и ориентированной на целевую аудиторию в лице потенциальных избирателей; 3) в сознании рядовых россиян – для того, чтобы понять, каким образом взаимодействуют эти три уровня.

При анализе дискурсов представителей органов власти и политических партий мы прежде всего опирались на категории, выработанные в рамках дискурс-исторического подхода.

Задача состояла в том, чтобы определить, в контексте каких макросемантических единиц (тем) и дискурсивных стратегий [Reisigl, Wodak, 2001, p. 44–46] представители органов власти и исследуемые партии задействуют отсылки к советскому прошлому.

При этом внимание акцентировалось на дискурсивных стратегиях двух видов: референциальных (дискурсивное конструирование социальных акторов, объектов, явлений, событий, процессов и действий через различные способы их именования) и предикации (атрибутирование позитивных или негативных характеристик социальным акторам, объектам, явлениям, событиям, процессам и действиям).

Таким образом искался ответ на вопрос о том, какие нарративы о советском прошлом используются в дискурсе исследуемых политических акторов и каких целей они позволяют достигать.

Мы исходили из того, что на специфику дискурсивных стратегий и нарративов влияют политический контекст и риторическая ситуация, поскольку участники коллективной делиберации взаимодействуют в пространстве политических суждений вне зависимости от того, являются ли они субъектами или объектами аргументации. Как отмечал Г.И. Мусихин, «контекст аргументации задается как формально зафиксированной регламентацией, так и неформальными ожиданиями аудитории, в основе которых могут

лежать устойчивые культурные традиции и ситуативное стечение обстоятельств» [Мусихин, 2016, с. 78]. И, добавим от себя, неформальные правила политической игры.

Для учета воздействия контекста на представления о советском наследии использовался критический интерпретативный подход, базирующийся на трех допущениях. Первое заключается в особом значении условий (политических, социокультурных, дискурсивных), при которых социальная память «имеет значение», превращается в «общественное дело» [Brown, 2008; Campbell, 2008]. Это заставляет рассматривать социальную память как феномен относительный, понимаемый в терминах «взаимодействия разнообразных интересов и точек зрения» [Olick, 2007, p. 187–188].

Второе допущение состоит в том, что интерпретация и понимание недавнего прошлого (особенно наследия коммунизма) – предмет интереса в большей степени профессиональных исследователей, политиков и общественных деятелей, нежели рядовых граждан. Поэтому важно понять, как во взаимодействии между обычными людьми и малыми группами создаются, циркулируют и распространяются индивидуальные и коллективные смыслы. Поэтому исследование социальной памяти предполагает учет «состязательности» [Connolly, 1993] социальных и политических категорий, являющихся источниками дискуссий и морализаторства и имеющих разное значение для разных людей.

Третье допущение заключается в том, что исследование социальных феноменов предполагает признание напряжения между формальной, систематической идеологией и «живой» ее формой, представляющей собой совокупность повседневных практик создания и интерпретации смыслов [Ideological dilemmas, 1988]. Социальная память не только отражает или выражает «закрытую систему для разговоров о мире», но и артикулирует «противоположные темы, которые дают основу для дискуссии, аргументации и дилеммы» [Ideological dilemmas, 1988, p. 6]. Эти дискуссии и аргументы во многом определяют особенности создания, циркулирования и воспроизведения в обществе индивидуальных и социальных смыслов [Billig, 1996]. Поэтому исследование политической и социальной памяти предполагает изучение противоречий и совместного влияния формальных и «живых» (на уровне здравого смысла) представлений и форм знания [Andrews, 2007; Trust and..., 2004].

Принимая во внимание эти допущения, авторы монографии стремились отразить многообразие форм, задач и смыслового наполнения использования советского прошлого на различных уров-

нях жизни российского общества. Анализу подвергались как сам контекст (символическое и институциональное наследие, специфика политического режима и т.д.), влияющий на политику памяти и ее восприятие гражданами, так и символическая деятельность различных мнемонических акторов. Мы исходили из того, что повестку дня и в целом специфику дискуссий формируют не только находящиеся у власти политические силы, но и другие акторы. Однако в условиях ограниченной конкуренции и монополии на информацию, как в случае с Россией, провластные политические силы во многом определяют господствующий политический дискурс, формируя дозволенные для официальной оппозиции рамки символической «конкуренции». В тоже время официальная «оппозиция», разворачивая в этих рамках собственные нарративы, предлагает варианты трактовок настоящего и прошлого, которые также вносят вклад в формирование повестки дня и характера дискурса, а также потенциально могут быть альтернативой нынешнему официальному дискурсу и иметь риторический потенциал преодоления прошлого советского и имперского наследия.

Основное внимание в нашем исследовании мы сфокусировали на изучении риторики мнемонических акторов. При изучении политической риторики учитывались также такие влияющие на содержание текстов факторы, как, во-первых, специфика политической конъюнктуры и политического дискурса в стране в рассматриваемый период; во-вторых, конкретная политическая позиция, занимаемая акторами; в третьих, жанровое своеобразие текстов и индивидуальные особенности авторов.

При изучении памяти о советском прошлом на уровне межпартийной дискуссии (особенно в период избирательной кампании) в качестве методологического инструментария использовались концепция социально-политических размежеваний (cleavages) и теория проблемных измерений (issue dimensions), исходящих из того, что движителем политической жизни служат противостояния по существенным вопросам, структурирующие партийный спектр. Для понимания сути этих противостояний выявлялись вопросы (issues), порождающие наибольшую поляризацию в общественном сознании.

Определением таких вопросов автор соответствующей главы занимался на протяжении нескольких десятилетий, разработав собственную методику их количественного измерения¹. Она за-

¹ Подробнее см.: [Коргунюк, 2013; Коргунюк, 2017; Коргунюк, 2019; Korgunyuk, 2014; Korgunyuk, 2020].

ключается в следующем: позиции партий оцениваются по шкале от –5 до +5 (низшая оценка присваивается резко негативному отношению, высшая – апологетическому; если партия придерживается «центристской» позиции или не придерживается никакой, ставится ноль), а затем эти показатели подвергаются факторному анализу.

Обнаруженные факторы рассматриваются либо как политические измерения (если берется вся совокупность вопросов), либо как субизмерения, или противостояния по отдельным предметным областям – внутривнутриполитической, социально-экономической, внешнеполитической, мировоззренческой. Вопросы советского прошлого, в частности, были отнесены к мировоззренческой области.

Эти политические измерения и субизмерения, а также размежевания по вопросам советского прошлого, также отдельно подвергнутые факторному анализу, посредством корреляционного анализа и множественной регрессии сопоставлялись с электоральными размежеваниями, представлявшими собой, по сути, факторы территориальных различий в партийном голосовании. Эти факторы, в свою очередь, выявлялись факторным анализом долей голосов, полученных партиями в различных территориальных единицах (в нашем случае – в субъектах Федерации).

Для исследования памяти о советском прошлом на уровне представлений рядовых россиян использовались глубинные интервью с жителями Москвы разных поколений (N = 15) и контент-анализ публикаций группы «Мы из СССР» в социальной сети «ВКонтакте» за 2021 г. (N = 100). При этом мы не стремились получить репрезентативную информацию. Для авторов соответствующих разделов монографии было важнее выявить репертуар мотивов и смыслов, возникающих у граждан при обращении к советскому прошлому.

Глубинные интервью имеют ряд преимуществ по сравнению с социологическими опросами¹. В частности, они позволили более

¹ См., напр.: 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? // ВЦИОМ. – 2022. – 30 декабря. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja/?fbclid=IwAR21l5EfCZ_oTzDC7lCP0sswBJ5-dAkxdVeLpz7L0yPCMsGSjW5C6KvZvY0 (дата обращения: 30.12.2022); Ностальгия по СССР // Левада-центр. – 2021. – 24 декабря. – Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/12/24/nostalgiya-po-sssr-3/> (дата обращения: 30.12.2022); 30-летие Беловежских соглашений: отношение россиян к распаду СССР // ФОМ. – 2021. – 21 декабря. – Режим доступа: <https://fom.ru/Proshloe/14665> (дата обращения: 30.12.2022). АНО «Левада-центр» признана в России иностранным агентом.

детально осветить смыслы, которые информанты вкладывают в советское прошлое, и связать эти смыслы с их жизненным опытом и особенностями социализации. С помощью гайда с вопросами о функциях СССР как государства, о повседневной жизни людей в СССР и о том, в каких формах сохраняется наследие СССР в современной России, была прослежена логика рассуждений информантов и выявлено общее и особенное в восприятии советского прошлого разными поколениями.

Социальные сети в данном исследовании описывались как арены, открытые и доступные многим акторам, которые действуют в более свободном дискурсивном поле, не ограничиваясь в своей активности доминирующими нарративами о прошлом. На примере онлайн-сообщества «Мы из СССР» было рассмотрено, как интернет-пользователи осмысляют прошлое, в том числе его травматичные и ностальгические моменты. По результатам анализа постов этой группы выделено 12 основных дискуссионных тем, через которые воспроизводится нарратив о культурной травме.

Использование различных методов и концепций позволило нам отчасти решить проблему триангуляции, то есть получить информацию об интересующей нас проблеме с помощью различных инструментов, что способствовало созданию более полной картины. Вместе с тем наша работа не претендует на всеохватность и полноту анализа, а скорее является приглашением к дальнейшим дискуссиям и исследованиям.